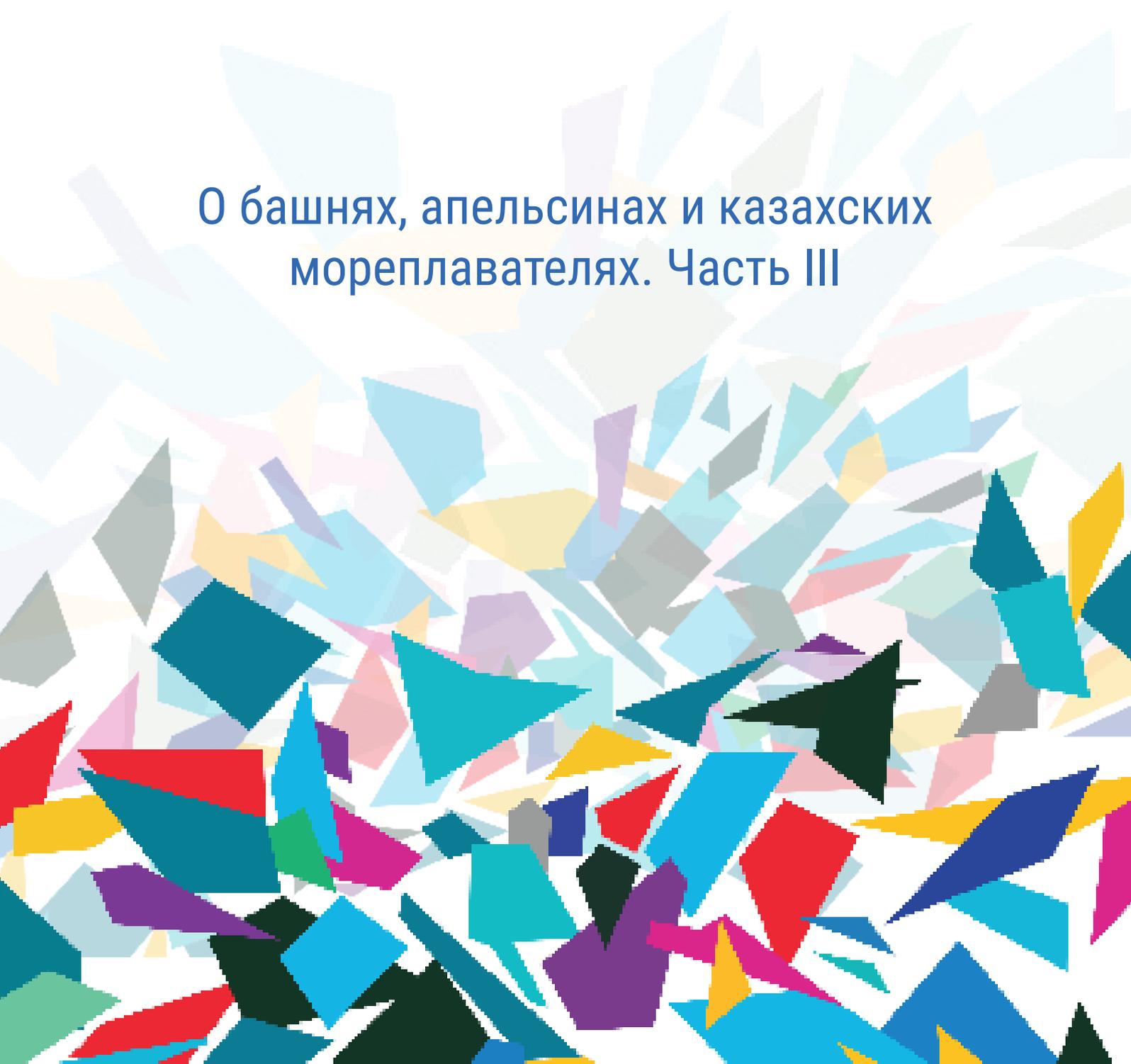

ЯЗЫК КАК ИНСТИНКТ

О башнях, апельсинах и казахских
мореплавателях. Часть III

Предыдущая лекция вызвала определенный интерес к вопросу о механизмах обогащения словарного запаса в том или ином языке. И я позволю себе продолжить, чтобы ответить на несколько вопросов, которые мне задавала аудитория.

Первый вопрос начался с проблемы перехода слов из одного языка в другой. В русском языке в начале XX века устройство для полива называлось «кишкой», хотя изначально было «шлангом». А после Первой мировой войны обозначение «шланг» вновь вернулось в обиход. С немецкого Schlange переводится «змея».

По-казахски «змея» – это «жылан», как и практически во всех тюркских языках, только в разных вариациях: «жылан», «елан» (это, кстати, единое название для сакрального животного). В фонетике немецкого языка нет звука «ж», как и в итальянском – звука «ш». Поэтому «жылан» трансформировалось «шлан».

И если мы продолжим эту этимологическую цепочку, то можно предположить, откуда в русском языке слово «змея»? Что такое змея? Это коварное животное в русской культуре, а в других странах – символ мудрости. «Коварный» в казахском языке звучит, как «зымиян». Вот вам, пожалуйста, такие примеры родства культур на всем Евразийском пространстве.

Или есть, к примеру, в немецком языке слово «адрес». На чистом немецком языке – это «дас орт». От слова «орта». Однокоренными здесь являются и «орда», и «орднунг». То есть в этом случае у слова «орда» совсем не то значение, которое приобрело в российском общественном сознании последние 200 лет, что «орда» – это неорганизованное собрание. Как раз наоборот. «Орда» – это упорядоченная, жесткая, иерархическая государственная структура, которая легла в основу российской государственности вместо мелкой феодальной раздробленности.

Я это говорю к тому, что, может быть, настало время освободиться от этих шор, которые сформировались в политических целях и внедрялись в общественное сознание для торжества и для доминирования одних культур над другими?

Наше общественное сознание – результат работы очень многих стереотипов, которые накладываются друг на друга и образуют то самое общественное сознание. Зависит оно и от нашего менталитета, ведь зависимость нашего казахского сознания от внешних стереотипов появилось не случайно и не на пустом месте. Такое состояние умов характерно и для российской, и для русской культуры, оно было сформировано в XVII и XVIII веках, а расцвет пришелся на XIX век. Отправной точкой этой научной парадигмы следует считать объемистый труд немецкого философа и историка Иоганна Гердера «Вопросы к философии истории человечества». Это серьезный том, который был издан на русском языке. Он пережил несколько переизданий, а сейчас это библиографическая редкость панорамного исследования всех человеческих культур.

И что же говорит Гердер о цивилизациях? Он выделяет несколько типов: английская, англо-саксонская, романская, греческая, еврейская, индийская, славянская цивилизации (с оговоркой, что славяне занимают больше места в пространстве, чем в истории). Тюркскую цивилизацию Гердер вообще не упоминает. Согласитесь, не может быть, чтобы ученый такого масштаба не знал в XVII веке о вкладе тюркской цивилизации в мировой уклад? Но именно эта парадигма была подхвачена и активно культивировалась в тот момент времени.

Но в период советского тоталитаризма, в силу идеологических соображений политической конъюнктуры, Гердеровская парадигма активно использовалась идеологами ЦК КПСС, и мы знаем эти результаты. Не случайно Льва Николаевича Гумилева не публиковали именно по указанию отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС. Но время берет свое, и ход истории не умолим, все возвращается на круги своя. Поэтому и мы вернемся к нынешнему состоянию наших языков, к состоянию науки и взгляду на историю культуры.

Здесь мне очень импонируют научные позиции и Хомского, и Стивена Пинкера, которые озабочены угрозой исчезновения языков. В своих трудах они дают обзор языковой, лингвистической картины мира: сколько языков, сколько и подгрупп. Конечно, все это нам хорошо известно, и я не буду повторяться. Но есть очень интересные моменты.

Пинкер, говоря о распространении языков, вскользь упоминает о тюркских языках. Регион Центральной Азии частенько умалчивается в контексте исторических рассуждений и размышлений. Мне приходится встречать множество различных текстов о расселении человечества, о путях распространения культур. И если говорят о культуре Китая, то обычно

пишут: «Это было на территории Китая». Но Китай – это огромная страна, без уточнений о том, был ли это Западный Китай, который являлся частью Восточного Туркестана, не говорят. Или говорят о Южной Сибири: «В регионе Южной Сибири». Но в нем живут и тюркские народы – тафалары, алтайцы, хаккасы, тувинцы. Это все ариал тюркской цивилизации.

Недавно я писал работу о происхождении жента, проса. Все говорят, что родина проса – Китай. Но какой Китай? Юго – Восточный Китай в провинции Гуанчжоу? Или Китай, который находится севернее пустыни Гоби? Или это Китай, который является сейчас Внутренней Монголией? И так, просо. Оно появилось в Китае и получило распространение на Кавказе, в Иране и оттуда пришло в Средиземноморье, и дальше уже в Европу, а оттуда в Америку.

Но интересно, как могла культура прососеяния распространиться на Кавказ, минуя Центральную Азию? Минуя Жетысу, минуя Алтай. Вот такими лакунами в культуре современная научная литература по гуманитарному знанию просто изобилует. И я думаю, что казахстанским ученым следует сосредоточить свои усилия как раз на преодолении этого барьера, поставленного совершенно несправедливо. Я привел этот пример только для того, чтобы вы понимали, когда вы читаете литературу или статьи по истории, материалы по истории культуры, имейте этот момент в виду.

В чем же причины такого отношения? Я позволю себе сказать, что догадываюсь. Еще жива в коллективном бессознательном европейцев историческая память об Атилле и том, какой позор испытала европейская, римская цивилизация. Они до сих пор пишут о том, что Атилла потерпел поражение на Каталонских полях, а самый честный из европейских ученых пишет о том, что война закончилась ничьей. Хотя именно с Каталонских полей Атиллы и гуннам открылся прямой путь на Рим. Если битва закончилась ничьей, тогда зачем императору Арцию нужно было предлагать Атилле взять в жены свою сестру Елену? И почему Атилла позволил себе отказаться от этого, отправив назад со словами: «Слава о нравах ваших римских женщин дошла и до нас, диких кочевников».

Жива в памяти и история средних веков, ужас от нашествия Чингисхана. Все это заставляет западную интеллигенцию и западных ученых стирать акценты о славе наших предков и стимулировать наше национальное самосознание.

С этим можно было бы смириться, это можно было бы понять, если бы такое положение пагубно не сказывалось на состоянии нашего языка. Именно такое неведение и игнорирование культурного глубинного кода (не путайте с ментальными кодами, о которых говорит Стивен Пинкер, я говорю о культурном коде нации, который нам необходимо понимать в рамках программы «Рухани Жанғыру») не дает нам нормально развивать родной язык. Казахский язык находится под угрозой исчезновения, потому что он вытесняется все больше и больше. И даже в последние два с половиной десятилетия ситуация отнюдь не улучшилась.

И то, что казахские дети даже в дальних аулах предпочитают говорить на русском языке, а не на казахском, говорит о многом. Уже несколько поколений казахстанцев выросло в эпоху независимости, но они не стали носителями казахского языка. Это очень серьезный симптом, говорящий о том, что язык наш находится под угрозой.

Я помню, как в середине 60-х и вплоть до 70х годов, в Москве и Ленинграде, в советской науке и советском языкознании велись очень интенсивные работы по поиску протоязыка, как называет его Стивен Пинкер. В русскоязычной лингвистике его называли «ностратический» язык, от латинского «ностра» – «наш». Эти исследования были очень актуальны и популярны, о них говорили и в институтах, и на кухнях. Это была азартная тема, сродни спору между физиками и лириками. И даже в повести ленинградского писателя Михаила Чулаки упоминается об этих спорах и об этих исследованиях, настолько это было популярно в интеллигентской среде.

И вдруг где-то к середине 80-х годов эти споры резко прекратились. Исследования были закрыты и перестали интересовать ученых. Уже будучи аспирантом, в середине 80-х годов я пытался поднять эту тему, но мое кафедральное руководство более чем равнодушно отнеслось к идеям исследования тюрко-славянских культурных взаимодействий. Это объяснимо как раз теми вещами, о которых я говорил выше: политическая конъюнктура, подкрепленная государственной идеологией советского тоталитарного государства.

Такой подход пагубен и несправедлив, что подтверждают строки Стивена Пинкера. Здесь он солидарен со всей прогрессивной интеллигенцией советской эпохи. Пинкер отражает

тот мейнстрим, который сейчас существует в мировой науке. Он говорит: «Эта глава должна быть закончена на грустной, но необходимой ноте. Существование языков поддерживается детьми, которые их усваивают. Когда лингвисты видят, что на некотором языке говорят только взрослые, они знают, что язык обречен. Поэтому они предупреждают о нависшей над историей человечества трагедии».

По оценкам лингвиста Майкла Краусса, обречены на исчезновение 150 языков североамериканских индейцев – около 80% всех существующих. В отношении других языков, подсчеты ученого столь же печальны: 40 исчезающих языков на Аляске и в Северной Сибири – 90% от существующих, 160 – в Центральной и Южной Америке (23%). Целых 45 языков в России (70%), 225 в Австралии (90%). Итого в мире около 3000 исчезающих языков, а это 50% от всех существующих ныне. Такое исчезновение языков в таком мировом масштабе напоминает исчезновение видов животных и растений. Языки исчезают, потому что разрушается естественная среда обитания носителей языка или против них осуществляется геноцид. Их насильственно подвергают ассимиляции и вводят ассимилирующее обучение. Производят демографическое слияние и бомбардируют электронными средствами массовой информации, которые Краусс назвал «нервно-паралитическим газом культуры». Почему людям должно быть безразлично, что над языками нависла угроза?

Для лингвистики и дающих ей ориентир наук о мозге и мышлении, языковое разнообразие демонстрирует масштаб и пределы языкового инстинкта. Подумайте только о той искаженной картине, которой бы мы обладали, если бы для изучения остался лишь один английский язык! По языкам можно проследить историю и географию вида. И исчезновение языка, скажем, языка айну, на котором ранее говорили в Японии загадочные люди, предположительно с историческими корнями на Кавказе, это своего рода катастрофа. Это однозначно, если вы сомневаетесь, прочитайте трилогию Харуки Мураками «Охота на овец». Фабула этого романа – о поиске утраченного культурного кода.

Краусс пишет: «Может быть, для антропологии и эволюционной биологии человека исчезновение языка аналогично сожжению библиотеки с историческими документами или исчезновению последнего биологического вида из отряда ему подобных. Любой язык является наивысшим достижением уникального, коллективного человеческого гения. Тайный, такой же божественный и бесконечный, как живой организм. Потеря языка – это часть боли общей потери, переживаемой нашим миром, потери многообразия во всем».

Вот на этом я бы хотел закончить наш разговор о башнях, апельсинах и о казахских мореплавателях.